

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 132 (3788)

Суббота,

2

ноября
1957 г.

Цена 40 коп.

НАВСТРЕЧУ 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

СПАСИБО, ПАРТИЯ!

ПРОИДЕТ несколько дней, и настанет величайшее эпическое утро... Утро небывалого, невиданного в истории праздника — сорокалетию Октября.

С покоренных нами за сорок лет высот открывается грандиозная картина, необозримая панорама строительства первого в мире социалистического государства.

В эти дни, на пороге великого праздника, когда подтожняется титанический народный труд, первое, самое современное слово мы обращаем к нашей родной партии, матери наших побед.

Более полувек борется, строит, преобразует мир наша героическая, самая передовая, самая справедливая, самая человечная партия из всех партий в истории.

На всех этапах строительства социализма наша партия, ленинская партия, всегда была с народом, вдохновляла, окрыляла его, вселяла в сердца наши непоколебимую веру в победу.

Партия — бессмертие нашего дела.

Партия — единственное, что мне не изменит...

И голос партии стал зовом души каждого честного советского человека, кому дороги судьба нашей Родины, ее честь, ее достоинство, ее благо.

«Исключительное значение имела партия в жизни советских писателей», — так я хотел написать сначала, а потом решил, что это неточно.

Изобразить трудный, сложный процесс становления нового общественного строя, формирования нового социалистического человека, героя нашего времени, — вот задача, вставшая перед художниками слова.

И когда сегодня каждый советский писатель анализирует сорокалетний путь развития нашей литературы, ведет разговор со своим сердцем, со своей совестью, он еще и еще раз убеждается, как велика и незаменима была роль нашей партии на всех этапах существования социалистической литературы.

Иногда писатели анализируют сорокалетний путь развития нашей литературы, ведут разговор со своим сердцем, со своей совестью, он еще и еще раз убеждается, как велика и незаменима была роль нашей партии на всех этапах существования социалистической литературы.

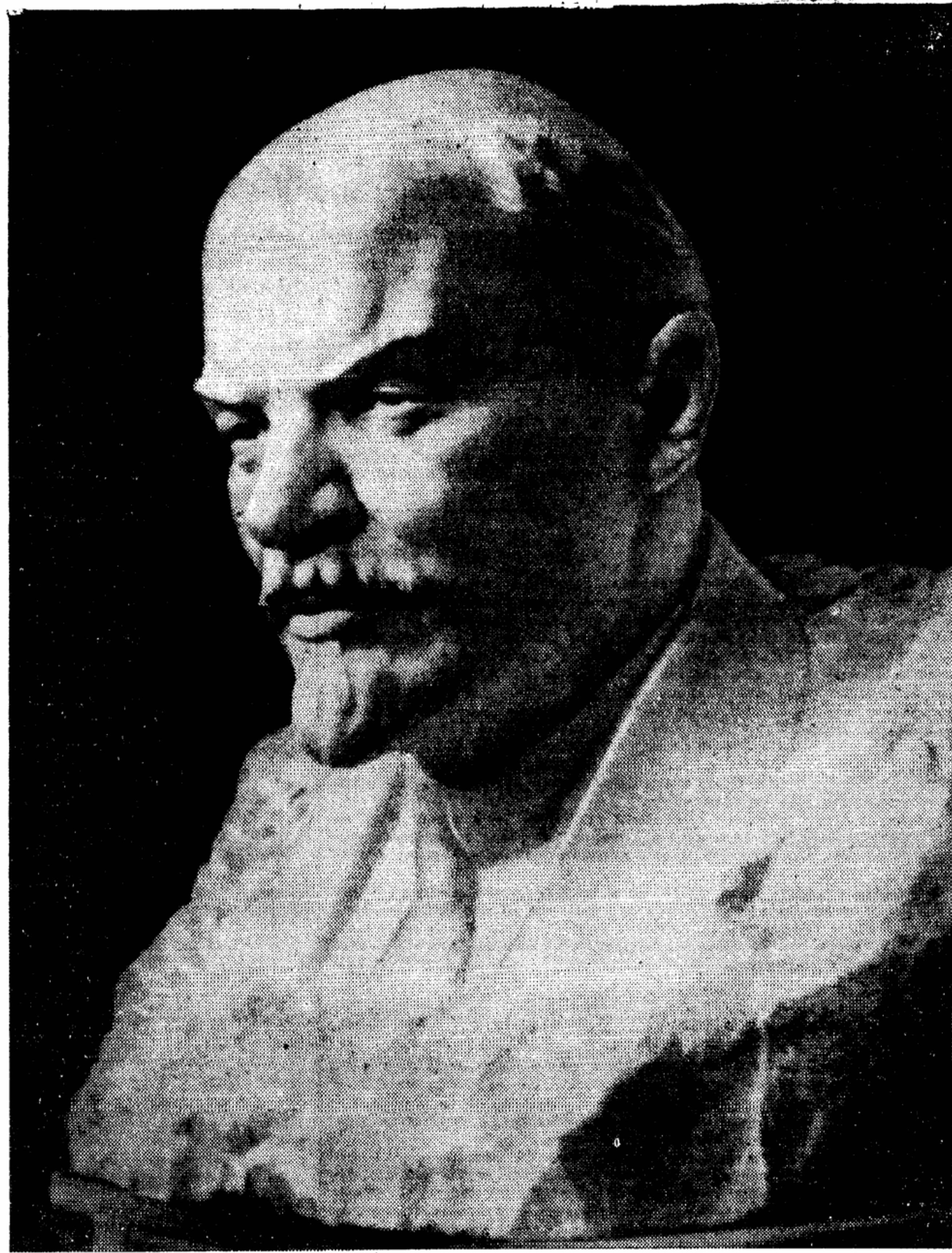
разных народов, в том числе и армянская советская литература. Было множество трудностей на нашем пути, были и идеологические срывы, и ложные литературные «платформы», непонимание некоторыми писателями насущных задач времени.

Сила нашей литературы — в ее глубокой народности. Партия и народ — неотделимы. И всякие жалкие попытки оторвать литературу от партии неизбежно приведут к творческому банкротству.

Гурген БОРЯН

тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом». Сегодня, в преддверии 40-летия Великого Октября, мы особенно заочно гордимся тем, что нам выпала честь открыть новые пути в истории мировой литературы, участвовать в духовном воспитании и формировании строителей нового, свободного от эксплуатации мира.

В. И. ЛЕНИН

Скульптор П. Сабсай (Азербайджанская ССР)

ПЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

Николай ТИХОНОВ

МУДРЫЙ Тарас Шевченко отменил в свое время, что на просторах Российской империи — от Молдавии до Финляндии — все молчит.

Но пришел день Великого Октября, и расколосило это холодное молчанье. Народы заговорили полным голосом, их поэты в первую очередь. Ныне, оглядывая нашу землю, проходила по ней, облетая ее на немыслимых ранее скаковых воздушных кораблях, каждый видит ее преображение и слышит каждый, как многоголось эта советская земля: поет она на всех языках и слышит человека, заново созданного по законам социалистического мира, слышит его дела, похоже на чудеса.

Все некогда безмолвное, безязычное пространство ожило, поличило голос. Нет такого сегодня дела самого маленького племени или народа, у которого не было бы певца, стихотворца, пишущего или рассказывающего стихами о происходящем за эти последние годы.

Если бы человек, не имеющий возможности видеть Советский Союз, смог бы прочесть все написанное о нем поэтами нашей страны, он не представил бы себе ее экономики и роста индустрии по стилям поэтов (а может быть, и представил бы, кто знает), но что он почувствовал бы, чем жив человек этой земли, в чем его вера и в чем основа его жизни, — это наверное.

Именно дополняя друг друга, поэты Советского Союза дают возможность, как на машине времени, погрузиться в разные времена, пережить нашу Родину, и ощутить дыхание огненных лет гражданской войны, первые годы мирного строительства, переход в деревне, рождение индустриальных

имени, таких, как патриарх славяного стиха Максим Рыльский, или звучавший Павло Тычина, или строгий, сосредоточенный мастер Михаил Бажан, — и в стихах этих поэтов вы найдете не только украинскую думу и лирику, но и поэзию, охватывающую жизнь, выходящую за пределы нашей страны.

Сколько удивительных талантов за эти сорок лет украсили советскую землю! Их из них уже нет, но стихи продолжают жить и даже с каждым годом становятся по-иному значительнее. Возвращаясь к ним в дни всенародного праздника, мы не можем не вспомнить и тех, кто был другим нашим современником. Тойной, не боясь этого слова, большой толпой талантов прошли наши дорогие современники трудный и прекрасный путь вместе с советским народом, радуясь и печальясь, разделяя с ним все испытания.

Жаль, что мы не найдем их сегодня между нами, но поэт любого народа от нас не должен, как и многомиллионный читатель, пытливый и долгопamятный советский человек.

Я вспоминаю двух поэтических богатырей белорусского народа — Янку Купалу и Якуба Коласа, с его степного орла Джамбула с его большой памятью и большим сердцем, только что ушедшего великого мастера армянского стиха — Варшета Аветика Исаакяна, талантливейшего Египте Черченца, блестящего поэта-арцага Самела Вургана, добрую и прекрасную Салому Юрер.

Помню я молодых, радостных и мудрых певцов свободного человека гор — Сулеймана Сталского и Гамата Дадаю. Они были молоды сердцем и душой и полны новейшей своей неужножностью, поэт с горечью воскликнул: «Я для сердца, а где у бестелых сердца?»

Итак, стихи для сердца. Как бы приняв эстафету от ве-

Сколько удивительных талантов за эти сорок лет украсили советскую землю! Их из них уже нет, но стихи продолжают жить и даже с каждым годом становятся по-иному значительнее.

Возвращаясь к ним в дни всенародного праздника, мы не можем не вспомнить и тех, кто был другим нашим современником.

Жаль, что мы не найдем их сегодня между нами, но поэт любого народа от нас не должен, как и многомиллионный читатель, пытливый и долгопamятный советский человек.

Я вспоминаю двух поэтических богатырей белорусского народа — Янку Купалу и Якубу Коласа, с его степного орла Джамбула с его большой памятью и большим сердцем.

Помню я молодых, радостных и мудрых певцов свободного человека гор — Сулеймана Сталского и Гамата Дадаю.

Итак, стихи для сердца. Как бы приняв эстафету от ве-

БОГАТСТВО нашей поэзии, сами поэтические характеры привлекают внимание. Не говоря о русских поэтах, на родине нашей Украине стоят назвать три известных и разных

ОНИ РАБОТАЛИ РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

31 октября состоялась встреча редакционного коллектива «Литературной газеты» с сотрудниками Секретариата, Управления делами Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона, работавшими под руководством В. И. Ленина.

Одновременно с бывшими сотрудниками Секретариата, Управления делами СНК и СТО приняли участие в этой интересной предпринимательской встрече.

ЗАВТРА — ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Бывает День артиллерии, бывает День железнодорожника, бывает День шахтера, День строителя. Хорошо, что в ряду с другими праздниками есть у нашего народа торжественные дни, посвященные славе труда, славе рядовых, но замечательных профессий.

Завтра в Москве — День поэзии. И хотя это не праздник в строгом смысле слова, хотя он не утвержден и не узаконен, все же это День поэзии, все же это же праздник.

Давайте говорить прямо: ведь может быть, ни в одной стране земного шара, ни у одного из народов, населяющих его, нет, не бывает такого, как у нас, Дня поэзии.

Однако за что же нашей поэзии такая честь? Железнодорожники, шахтеры, строители — это все понятно и просто. А вот поэты, поэты. День поэзии... Серьезно ли все это?

Маяковский по ходу действия одной из своих поэм попал в рай и оказался в весьма затруднительном положении — ему там нечего было делать. Окруженный бесплотными ангелами и тоненькой своей неужножностью, поэт с горечью воскликнул: «Я для сердца, а где у бестелых сердца?»

Итак, стихи для сердца. Как бы приняв эстафету от ве-

К 70-летию С. Маршака

Завтра исполняется семидесять лет выдающемуся советскому писателю Самуилу Яковлевичу Маршаку.

В СССР выпущено 750 изданий книг С. Маршака; общий тираж их превышает сорок миллионов экземпляров. Произведения С. Маршака переведены на семьдесят языков, в том числе на языки почти всех стран Европы, китайский, японский, арабский, персидский и другие.

Достойным творческим отчетом писателя к юбилею является четырехтомное собрание его сочинений, выпускаемое Гослитиздатом. С. Маршак выступает в нем во всем многообразии своего творчества — как поэт, сказочник, драматург, переводчик, автор статей о поэтическом мастерстве.

В ближайшее время юные читатели получат новые издания книг своего любимого писателя: Детиздательство выпускает в свет его «Рассказ о неизвестном герое», а в серии «Золотая библиотека» — новое, значительно расширенное издание сборника «Сказки, песни, загадки».

Сегодня в Доме детской книги открывается выставка, посвященная жизни и творчеству С. Маршака. Общественность Москвы отмечает 70-летие писателя 18 ноября.

Алтайская осень

КТО бывал в Кольвани, на старинном камнерезном заводе, тот навсегда запомнит галерею портретов старейших камнерезов.

Очень жаль, что наше изобразительное искусство не запечатлело пока образа современного хлебороба. И если какому-нибудь художнику захотелось бы это сделать, мы посоветовали бы прототипом для своего полотна выбрать Гаврилу Буханько — бригадира Землеушкинского МТС.

Гаврила Николаевич — высок, плечист; лицо его выразительное, волевое. Но дело даже не во внешнем облике Буханько, а в его трудовом подвиге.

Буханько бригадирует давно. Слова о его хозяйской суровке, о его любви к земле идет еще с довоенных лет. Его первым в крае начал благоуустраивать полевые станы? — Буханько. Кто первым начал земной подвозить корм на колхозные фермы? — Буханько.

Гаврила Николаевич о себе говорит так:

— Землю пашу давно. Но сил набрала, встал на ноги лишь на целине. И верно: механизаторы бригады Буханько разнахали в колхозе «Дружба» не одну сотню гектаров целины и залежи. На этих землях из года в год выращивается высокий урожай. Валиевой сбор зерна в колхозе за последние три года удвоился. В этом году со всей площади, закрепленной за бригадой Гаврилы Буханько (почти 2 000 гектаров), получено по 180 пудов пшеницы.

Буханько встал на ноги, встал во весь свой недюжинный рост. Подобно ему, встали во весь свой рост тысячи алтайских хлеборобов. Это они первоползли в этом году государственные план хлебозаготовок на 29 миллионов пудов и сдали в народную закрома 282 миллиона пудов — в десять раз больше, чем в 1953 году, до освоения целины.

Замечателен и рост людей на целинных просторах. Двадцать седьмой сезон работает на донбайне Семен Афанасьевич Морозов. Он — потомственный алтаец, вырос на и воспитан большую семью. В прежние годы его дети позлались бы в город искать счастья на стороне. С освоением новых земель жизнь значительно улучшилась. Семён Афанасьевич поставил новый просторный дом. Всем детям нашлись дела в родных местах. Одна сын стал штурвалом на отцовском агрегате, другой — трактористом. Работая на полях Поспелихинского совхоза, Морозовы скопили в валки и похоронили шестое гектаров пшеницы, намолотили десятки тысяч пудов хлеба.

Алтай стал крупнейшим производителем зерна на востоке страны. С. КРУТИЛИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Наш корреспондент нашел эти снимки в казахском Доме-музее писателей (1934 г.). На первом снимке (справа налево): А. М. Горький, Алексей Толстой и классик татарской литературы Кави Наджи; на втором — А. Серафимович, китайский поэт Эми Сю и татарский писатель Карим Тенчурин.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Неужели я тот же самый, что, в постель не ложась упрямо, Слышал первый свой громкий смех И не знал, что я меньше все!

И всегда-то мне дни было мало, Даже в самые долгие дни, Для всего, что меня занимало, Дружки, драки, игры, боготни,

Да и нынче борюсь я с дремотой И ложусь до сих пор с неохотой, И покою ночному не рад, Как две трети столетия назад,

Столько дней прошло с малолетства, Что его вспоминаешь с трудом, И стоит далеке мое детство, Как с закрытыми ставнями дом,

В этом доме все живы-здоровы — Те, которых давно уже нет, И всякая лампа в столовой Льет попережнему теплый свет,

В поздний час все домашние в сборе — Братья, сестры, отец и мать, И так жаль, что приходится вскоре, Распрощавшись, ложиться спать.

С. МАРШАК

Выбираем мы в строю многоязычного

ВЕЛИКОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

«Литературная газета» обратилась в эти дни к ряду советских писателей с просьбой рассказать о наиболее памятных для них годах великого сорокалетия, о поездках, встречах и впечатлениях, о своей работе в канун славного юбилея и творческих замыслах. Нашему корреспонденту рассказали...

Вилис ЛАЦИС

САМЫМ памятным годом из сорока советских лет для меня является 1940 год: в этом году Латвия, свергнув антинародный режим фашистствующей национальной буржуазии, вступила в великую семью братских советских народов и обрела свободу и счастье. Я считал, что мне удалось активно участвовать в свержении старого антинародного строя и в строительстве новой жизни латышского народа. За последние годы мне удалось побывать в Польше, Чехословакии, Финляндии и Бельгии. Я встречался с многими людьми, начиная с простых рабочих и крестьян и кончая главами государств. Я убедился в том, что Советский Союз везде имеет много верных друзей, от всего сердца желающих самого лучшего нашей стране и горячо поддерживающих Советский Союз в его благородной борьбе за мирное сосуществование и мир во всем мире.

Будучи слишком загружен служебной работой, я в этом году не имел возможности написать ничего нового в области художественной литературы. Опубликовал около двадцати публицистических статей на разные темы. Творческих планов у меня много, но я хочу воздержаться пока от них говорить. Надеюсь дать ответ через два-три года — новым произведением. От всего сердца желаю больших успехов моим коллегам-советским писателям и самого пышного расцвета всей нашей многонациональной советской литературе.

Абдулла КАХХАР

Я ПИШУ повесть об узбекской женщине сегодняшних дней. Все мои думы и мысли заняты этим. Каждый звук слышу через эти думы. Каждую деталь вижу через эти мысли. Поэтому, когда обращаюсь к наиболее памятным годам из сорока советских лет, вспоминается мне середина двадцатых годов, незабываемых годов...

Это было время мужественной борьбы узбекской женщины за равенство, против отвратительных пережитков прошлого, всего того, что связывало руки и сердца, волю и умы женщин. Это были годы, когда женщины — на Востоке они были рабынями рабов — впервые в истории Востока высоко подняли знамя борьбы за свою свободу.

Народ те годы называл «худжум» — наступление. Это были героические наступления женщин и всего народа на врагов свободы, приверженцев старого мракобесия. В этом «худжуме» пролилась кровь сотен женщин: одни из них стремились к знаниям, другие включались в общественную работу, третьи просто хотели открыто взглянуть на светлый мир...

Чтобы повидать и лучше узнать своих героинь, я несколько раз ездил по республике. Я побывал в Бухаре, Коканде, Намангане, Маргелане и в других городах и кишлаках. И всюду видел прекрасные преобразования. Каждая капля крови, пролитая в годы «худжума», расцвела цветниками нашего счастья. Я увидел женщин наших дней — наследниц той замечательной битвы: героев труда, ученых, руководителей партийных работников, государственных деятелей, деятелей искусства, прославившихся своими талантами на всю страну, на весь Восток и Европу. Этим женщинам посвящаю я свою новую повесть...

Реваз ДЖАПАРИДЗЕ

ЭТО БЫЛО 27 лет назад. Время коллективизации. В доме нашем до глубокой ночи засиживались соседи и оживленно обсуждали с моим отцом эссеистический день родного села. Мне было тогда семь лет. Нас, детей, к этим разговорам не допускали. Поэтому для меня весь ход событий был окутан загадочным туманом...

Утром я внезапно проснулся, услышав голоса с нижнего этажа. Мать сказала: «Пришли землемеры». Я не смел допытываться, что значит эти слова, и выбежал на балкон. В соседнем дворе я увидел круглый стол, за которым сидел плотный, в кожаной куртке человек и писал что-то. Другие, размотав рулетку, мерили двор, начиная от каменной изгороди... В тот день я побывал в заброшенных полях за деревней — там закладывали новый виноградник. Работали человек двести. Я и по сей день слышу громкую песню, которую они тогда пели непринужденно и бодро...

Минули годы. Я вырос, прошел через войну. Возвратившись в родные края, я избрал своей современником-односельчан на страницах своего первого романа «Хвостик невесты».

Мне, автору, трудно судить о качестве того, что я сделал. Во мне роман этот оставил чувство большой неудовлетворенности. Я понял, что мало глядеть в лицо суровой правды жизни, выходя в наполненную драматизмом душу человека и изображая героев согласно строгой логике развития характеров.

С таким стремлением и писал свой новый роман «Вдова солдата». Хатуня Миндели — матери троих детей, вдове солдата, погибшего на поле сражения за свое социалистическое Родина, я старался придать замечательные черты человеческой души, сформировавшиеся в результате исторической победы Великого Октября. К Октябрьским праздникам кончатся съемки кинодрамы «Чужие дети», сценарий которой написан режиссером Т. Абуладзе и мною. Это картина о гуманизме, о высокой морали советского человека.

В настоящее время диктую вторую книгу «Вдова солдата»... Тбилиси

Быть ближе к жизни

В ПРЕДВЕРИИ праздника писательский работник Белоруссии, актив которых собрался на днях, чтобы обсудить свои задачи в свете выступлений Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

С докладами выступили председатель правления Союза писателей БССР П. Бровка, министр культуры республики Г. Киселев, председатель правления Союза художников БССР П. Гавриленко и композитор В. Олянович.

Значительная часть доклада П. Бровка была посвящена успехам белорусской литературы за последнее время и задачам писателей. Докладчик отметил ошибки некоторых белорусских критиков.

Без изучения жизни писателю нельзя брать за перо, композитору садиться за рояль, художнику подходить к мольберту — эта мысль пронизывала речь и М. Лужанина, и Я. Скриганя, и секретаря Молодецкого обкома партии И. Южика. Необходимо более тесного сотрудничества работников всех видов искусства, подчеркнул Л. Александровская, Г. Шириа, И. Грамович.

С речью на собрании выступил секретарь ЦК КП Белоруссии Т. Горбунов. В работе собрания принял участие секретарь ЦК КП Белоруссии Т. Киселев.

В единодушно принятой резолюции участники собрания творческой интеллигенции Белоруссии выразили сердечную благодарность Коммунистической партии за ее заботу о дальнейшем развитии советской культуры.

МИНСК. (Наш корр.)

СОСТОЯЛОСЬ совещание актива творческой интеллигенции Эстонии, посвященное выступлениям Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

2 февраля 1957 г. № 122

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Роша, живьзя, лесок. Сердце песней захвачено... Уголок мой родной, Дорогая Ушаччина. Чем порадуеть ты, Открывай мне по совести. Счастлив я, что иду, Узнаю твои новости.

Речь озер и ручьев Слышу здесь, как бывало, я. Здесь со мной говорит Капля каждая малая.

Огоньки рабин Светишь ты, улыбаешься. Как, сторонка моя, На глазах ты меняешься!

Знал я мухром тебя, В дни ненастные, черные, Хат замшелых, курных Потолки закопченные.

Знал поля я твои, Нивы, плугом забытые, Знал тропинки твои, Нашей кровью политые.

Знал я слезы твои Над извечной кручиной, Знал я долю твою Под убогой рядинойю.

Знал голодной тебя И до нитки обобранной, В темных шрамах, в рубцах, Вся лаптями загоптанной.

Но, взглянул на тебя, Вижу — все выпрямляется. Сорок лет, сорок лет Маяжкам вздымаются.

Мыслью ленинской вся До глубин озаренная, Светлым праздником встречать Ты идешь обновленная.

Не парча, не шелка И не реки молочные, — Прославляют тебя Наши руки рабочие.

Где ведут трактора Разговоры с комбайнами. Здесь со стайкой детей Мне так радостно встретиться, На холме вдалье Школа окнами светится.

Провода, провода — Слово шелк паутинный... Над Ушачной-рекой Гул протяжной, турбиной.

Новый день, новый звук. Все здесь переименовано. Ты другая теперь, Дорогая Ушаччина.

Пусть нелегкой была Временами судьба твою, Ты мужала в боях, Верой в счастье богатая.

Ты росла, как сосна, Над холмами, оврагами Сорок лет, сорок лет Под багряными стаями.

Перевел с белорусского И. РЫЛЕНКОВ

Поющая земля

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Навсегда запечатлен в сердцах советских людей светлый образ татарского поэта — народного героя Мусы Джалиля. Он своей жизнью и смертью показал, как естественно жить настоящей правдой своего века, своего народа и как должен умирать поэт-коммунист, поэт — боец за свой народ, за человечество, за свободу.

Много наших друзей-поэтов прошли своей земной путь. Их стихи остались в богатейшем наследстве, и они принадлежат к первым сорока годам новой эры человечества. Жить в такое время — особая честь. С завистью будут говорить молодые поэты будущего об этих великодушных, неповторимых временах, об этих поэтических судьбах, связанных с самыми глубокими событиями в жизни человечества.

Там, где поэзия составляла основную силу литературы с древнейших времен, там и сегодня мы находим ее полноводной и живой, искрящейся новой образностью и радующейся жизни. В среде наших грузинских друзей на поэтическом собрании, украшенном народным поэтом Галактионом Табидзе, поэтом-драматургом Сандро Шаншавицки, Георгием Леонидзе, Симеоном Чиковани, Ираклием Абашидзе, Карло Каазадзе, Григором Абашидзе и молодыми друзьями нашими, мы вспомнили юрочих друзей, чьи стихи были залепом новых дней Грузии социалистической, чьи таланты служили поэзии с такой горячей искренностью, с такой открытой сердечностью, — Тизцава Табидзе и Пооло Яшвили.

Поэзия побеждает пространство и время. И слово, звучащее на эстонском языке, — поэтическое слово Карнера, или чувственное слово Ухояла, или якутское — Кулачкова-Эляля, — это слово отобрано из сокровищницы языка и поставлено в лучшие сочетания с другими словами, чтобы запечатлеть время и пространство во всей поэтически раскрытой правде.

Обладая средствами воздействия на читателя большими, чем это имело место в старое время, и неся зато и большую ответственность, советская поэзия братских народов приобрела широкую известность и популярность. И она стоит этого.

ЮБИЛЕЙНАЯ дата всегда вызывает желание поделиться опытом и вместе с тем динтует планы на будущее. Особенно такая дата как 40-я годовщина Великого Октября, годовщина величайшего в мире подвига, совершенного нашим многонациональным народом.

Я, конечно, не собираюсь писать итоговую статью хотя бы в области литературы, хотя бы в области литературы украинской, хотя бы — еще уже — в области украинской советской поэзии. Это будет просто несколько мыслей старого литератора, может быть, беспорядочно изложенных, но глубоко прочувствованных.

Худо ли, хорошо ли — часто не очень хорошо, но подчас и очень плохо, а мы, товарищи, сорок лет работаем в одной писательской семье. Бывали у нас иногда семейные разлады, а то и разлады, бывали и случаи, когда оправдывалась поговорка: «В семье не без урода». — Ну, а все же мы можем не без гордости оглянуться теперь на пройденный путь — путь, который указывала нам, по которому вела нас, на котором сличивала нас Коммунистическая партия. Ей, прежде всего ей, говорим мы в эти праздничные дни сердечное спасибо. И, говоря спасибо партии, мы говорим спасибо народу, вскормившему и воспитавшему нас.

Да, разумеется, я понимаю и принимаю справедливую упрека в том, что мы, работники пера, до сих пор еще не отразили в надлежащей силе всего величия ратных и трудовых подвигов советского народа. Этот упрек с полным основанием прозвучал и в одной из бесед Никиты Сергее-

вич Хрущева с работниками литературы и искусства, опубликованных недавно в нашей прессе. Но ведь задача-то, стоящая перед нами, поистине необъятна!

И, по правде говоря, мы иногда не просто скромничаем, а прямо-таки приносимся, говоря о нашей советской литературе. Не все, далеко еще не все сделано, — это станет это оспаривать! — но, ей-богу, сделано немало!

Я не буду прибегать к перечислениям имен и авторов, перечислениям, при которых неизбежны обобщения и иногда, действительно, обидные слова: «и др.» Не пишу я в ход и пресловутых «обойм», которые не всегда, однако, так несправедливы, как это кажется «обойденным» писателем. Впрочем, лишь несколько фактов. И вспомню прежде всего в связи с обвинением, которое упорно выдвигают против нас не только наши недруги, а подчас и друзья, не додумавшие до конца того, что они говорят. Это — обвинение в навязчивости в зубах «лакировка», то есть подкрашеном изображении действительности.

Не в «Хожденин» ли «по мучкам», не в «Разгроме» ли, не в «Тихом» ли «Доне» видят некоторые критики эту «лакировку»? А может быть, в беспощадно правдивых романах Михаила Стельмаха? А если Юрий Яновский в великодушных своих «Всадниках», которым такую высокую оценку в предисловии к

валя лирику Корсакаса и сонеты Тильвигтиса. В литовской поэзии много света и мягких красок прибалтийской весны.

Соленной волной Балтики, сетями рыбачьих, свободой, новой жизнью моря и берегов полны стихи эстонца Ююана Смуула...

Невозможно даже перечислить все имена поэтов, которые живут и работают сегодня, продолжая поэтическое дело своих славных предшественников. Одно можно сказать: природа и люди родных краев вошли в поэзию, может быть, не в полную меру, но вошли.

Эта поэзия, представленная армянскими ли поэтами — старым мастером Наири Зарьяном или молодой Сильвой Капутикян, азербайджанским ли выдающимся поэтом Сулейманом Устатом, кабардинским ли прекрасным певцом своей страны гор и долин Алиямом Кешоковым, — служит тем же задачам, какие стоят перед советским народом в деле построения коммунизма.

Эта поэзия служит делу советского гуманизма, она высоко идейна, революционна и многообразна. От виноградников теплой Молдавии, где родина стихов большого поэта Емилана Букова, до суровых лесов Белоруссии, где родилось прекрасное творчество наших друзей П. Бровка, А. Кулешова и М. Танка, это — поэзия, которой советский народ гордится по праву.

Советский поэт сопровождает неустанно человека, строящего будущее, и сам непосредственно участвует в этом строительстве. Материал для поэзии жизни представляет такой огромный, что его хватит на много поколений. И уже можно сказать, что развитие советской поэзии, которая, как весенний ручей, родилась вместе с Октябрем и шумно возвестила о своем рождении, обеспечено теми молодыми силами и новыми именами, которые появляются все чаще и чаще и заявляют о себе талантливыми, свежими, яркими стихами.

В дружной поэтической семье, вместе с многочисленным отрядом русских поэтов, все поэты нашей многонациональной Родины встретят праздник всех народов — великий юбилей Октябрьской социалистической революции, помянуемому призыву: за тесную, неразрывную связь литературы и искусства с жизнью народа!

КНИГИ ШАГАЮТ ПО СВЕТУ...

НА ДНЯХ корреспондент «Литературной газеты» связался с некоторыми издательствами в странах народной демократии и попросил рассказать, какие произведения советских писателей из братских республик СССР и классиков (кроме русских) они сейчас издают. Ему сообщили, что...

В БОЛГАРИИ в издательстве «Народна култура» вскоре увидят свет избранные стихи Мусы Джалиля, «Семья Зитаров» В. Лациса, «Люди наших дней» Т. Сыдыкбекова, «Пути Тараса» О. Иваненко;

В ЧЕХОСЛОВАКИИ издательство «Свет Совету» уже выпустило или в ближайшее время выпустит «Смерть ростовщика» С. Айви, «Берег ветров» Аду Хинта, «Землю зеленую» А. Упшта, сборник рассказов А. Исакяна, произведения Алая Кунабаева и И. Чачавадзе, «Дремнеармянские сказания»;

В РУМЫНИИ в переводах на румынский и венгерский языки издательство «Карта Рус» готовит «Избранные стихотворения» А. Исакяна, «Пограничную родину» В. Лациса, «Кобзарь» Тараса Шевченко;

В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ издательство «Культур унд Фортшритт», которому вчера исполнилось 10 лет, выпустило книги С. Склярченко «Путь на Киев» и О. Гончара «Пусть горит огонек», готовится к печати роман «Тегеран» Г. Севинца и стихи Мусы Джалиля;

В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ в издательстве «Народная литература» в прошлом и нынешнем году появились следующие произведения: «Лето» А. Чейшвили, «Честь» Г. Баширова, «Люди наших дней» Т. Сыдыкбекова, «Мать» А. Головова, «Буде и се сестры» Е. Симонайтиса, «Избранные письма» А. Корнейчука, «Весна в Сакене» Г. Гуля, произведения В. Лациса, «Весна Советов» Адама Шогенцуква, «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля, «Негосланные письма» А. Кутця, «Жизнь в цитадели» А. Яковсона, «Стрекоза» М. Бараташевиц, «Давид Сасунский», «Витязь в тигровой шкуре»; к изданию готовится «Залог мира» В. Собоко, «К новому берегу» В. Лациса, избранные произведения Янки Купалы, И. Франко, Д. Гуля, М. Богдановича, С. Нериса, «Стихи о Ленине» Е. Черенца, «Знамя бригады» А. Кулешова, «Украинские рассказы»;

В канун сороковой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции разрешите нам, дорогие товарищи, передать вам и в наши дни великому советскому народу наши братские искренние поздравления.

С. САРЫГ-ООЛ

ЗЕРНЫШКО

Капля — твердая, небольшая... Лерку ее на ладошке нежко. Смотрю на нее, в пальцах катаю — Пшеничное зернышко белоснежное. Чистое, как материнское молоко... «Самый прекрасный из всех плодов — Плод человеческих трудов!» Подумай я, и в груди широко Счастье разлилось, как сотни ручьев. «Как славен труд, что вложил человек В эту крупицу, простую, как снег!»

Перевел с тувинского Ю. ХАЗАНОВ

Сделано немало

и разлады, бывали и случаи, когда оправдывалась поговорка: «В семье не без урода». — Ну, а все же мы можем не без гордости оглянуться теперь на пройденный путь — путь, который указывала нам, по которому вела нас, на котором сличивала нас Коммунистическая партия. Ей, прежде всего ей, говорим мы в эти праздничные дни сердечное спасибо. И, говоря спасибо партии, мы говорим спасибо народу, вскормившему и воспитавшему нас. Да, разумеется, я понимаю и принимаю справедливую упрека в том, что мы, работники пера, до сих пор еще не отразили в надлежащей силе всего величия ратных и трудовых подвигов советского народа. Этот упрек с полным основанием прозвучал и в одной из бесед Никиты Сергее-

вич Хрущева с работниками литературы и искусства, опубликованных недавно в нашей прессе. Но ведь задача-то, стоящая перед нами, поистине необъятна! И, по правде говоря, мы иногда не просто скромничаем, а прямо-таки приносимся, говоря о нашей советской литературе. Не все, далеко еще не все сделано, — это станет это оспаривать! — но, ей-богу, сделано немало! Я не буду прибегать к перечислениям имен и авторов, перечислениям, при которых неизбежны обобщения и иногда, действительно, обидные слова: «и др.» Не пишу я в ход и пресловутых «обойм», которые не всегда, однако, так несправедливы, как это кажется «обойденным» писателем. Впрочем, лишь несколько фактов. И вспомню прежде всего в связи с обвинением, которое упорно выдвигают против нас не только наши недруги, а подчас и друзья, не додумавшие до конца того, что они говорят. Это — обвинение в навязчивости в зубах «лакировка», то есть подкрашеном изображении действительности.

Не в «Хожденин» ли «по мучкам», не в «Разгроме» ли, не в «Тихом» ли «Доне» видят некоторые критики эту «лакировку»? А может быть, в беспощадно правдивых романах Михаила Стельмаха? А если Юрий Яновский в великодушных своих «Всадниках», которым такую высокую оценку в предисловии к

КНИГИ ШАГАЮТ ПО СВЕТУ...

ТАШЛИН. (Наш корр.)

Ян СУДРАБКАЛН

Новые цели зовут вперед

СТИХИ рано наполнили мою жизнь. Но долго они шли вразброд, как путники, стремящиеся к одной цели, еще не осознавшие ее и не уверовавшие в правдивость избранной дороги. По всем латышским усадьбам много распевались в моем детстве песни, и чудесные старинные дайны сплетались с сентиментальными вырвами, часто полуметельского происхождения. В дайнах звучала горечь сирот, тяжкая доля народа, слышалась в них также едкая насмешка над притеснителями — прибалтийскими баронами: народ и в ярье был уверен, что взойдет для него заря свободы. Песни Платона года, зарева положенных поместий говорили о том, что она близка. Стихи Райниса, широко раздвинув горизонт латышского народа, вобрали в себя и гнев его, и печаль, и его несокрушимую волю, уверенность в победе правого дела.

В первую мировую войну я был солдатом царской армии; в Польше я слогал стихи о братстве народов, не зная, как прийти к нему. Связь с трудовым народом — вот что мне нужно было!

А все-таки песни, шедшие вразброд, стали постепенно, малю-малю собираться под одну звезду. Тут помог мне русский язык, усвоенный еще в детстве и принесший с собой доверие, уважение, любовь к русской литературе, к делам и трудам великого русского народа. Русский язык раскрыл богатый мир русской по-

эзии, захватившей меня, юношу, своей человечностью, правдивостью и, вместе с тем, неподдельностью, призывом к добрым и великим делам. По-русски же были прочитаны мною с жадностью и любовью стихи Гейне и три тома Шелли в переводе Бальмонта, изданные горьковским «Знаком». Позднее пришел Блок, а за ним молодые советские поэты с Тихоновым и Багрицким во главе.

Советские книги, журналы и газеты, тем или иным путем попадавшие в мои руки, говорили о необычайном подъеме творческих сил всех народов великой семьи. Мир, который строили по ту сторону границы под руководством Коммунистической партии советские люди, все больше овладевал моим вниманием, моими мыслями, все больше привлекал ум и сердце. Я видел, что советская поэзия бережно сохраняла традиции Пушкина и Некрасова и смело пошла дальше. Даже у многих значительнейших поэтов буржуазной Европы в начале нынешнего века была полностью утеряна связь с народом, поэзия стала сугубо «личным» делом и, отрывая своих читателей от жизни, стала одной из спиц колеса духовной, интеллектуальной реакции. Маяковский привнес в ярость проповедников «чистого» искусства именно тем, что разгадал и разоблачил их.

После долгих поисков и блужданий, после периода усталости и сомнений я нашел в братской семье советских народов то, к чему так или иначе, осознанно или в смутных мечтах, стремился всю жизнь. Туманные дали прояснились.

Октябрь принес свободу и счастье моему народу, моей Латвии. Латышский народ переживает время чудесного расцвета. Советский, он впервые в своей истории стал самостоятельным. Латвия стала государством, ее услышали на планете.

...Ну, а где мое, поэта, место в великом историческом сегодня? О чем надо думать мне в эти дни? Сложное дело литературы требует от человека горя и труженичества. Чувствую себя рядовым в советской литературной армии, но в этой армии и рядовой должен быть творцом. Поэт должен вмешиваться в жизнь, у каждого поэта должен быть свой собственный блокнот агитатора. Развитие советской поэзии вижу я в еще более тесном единении с жизнью народа. Читатели и поэты находятся в непростанной близости друг другу и вместе с жизнью — в вечном движении, а долг поэта — всегда хоть на какую-то долю шага, как уже не раз было сказано, быть впереди, вести за собой.

Советской поэзии вразбредная всякая узорность: сорокалетняя история братской единой многонациональной литературы доказала это. Читателю нужны и интимная лирика, и воинствующие политические стихи, и пейзаж, и патетическая ода. Нашему многонациональному читателю интересно и поучительно знать все наши литературы.

Не приемлет советский народ в литературе и искусстве одно — неверность истине, мелкий, мещанский подход к жизни, бегство от трудностей борьбы за будущее. А враги наши из кожи лезут, лишь бы посеять среди советских людей недоверие к своим силам и целям. И тут вожаки «чистого», аполитического искусства опять-таки выдают себя с головой, — их

формалистическая поэзия служит, собственно, тому же, Мещанские идеи в поэзии, мистика и эротика, любование самим собой — все это тоже благодать для удара по нашей общественной жизни, нашей морали. Враг не дремлет перед Великой Октябрьской годовщиной: он готовит новые каверзы, в том числе и в области литературы, но его проносики останутся бесплодными, если все мастера и творцы, все советские люди помогут партии, будут на страже чести и счастья Родины.

Советская поэзия всех народов нашей братской семьи богата талантами. Советская поэзия любит человека, она выросла из мечтаний и дерзаний, страстей и печалей, побед и радостей советского человека — строителя коммунизма. Об этом снова и снова должен думать каждый из нас.

Сорок лет прошло с того дня, когда родился — в крови и огне — новый мир. Сколько побед было на его трудном, тернистом, нелегком пути! О совсем недавней победе нашей науки, нашей техники, нашего строя — о советском, искусственном спутнике Земли очень удачные, на мой взгляд, стихи написал латышский поэт Андрис Веини. Обращаясь к своему другу-астроному, поэт вспоминает ранние годы юности, проведенные вместе. Тогда юноши заведовали журналами, приносили весну, и ясеням, разговаривавшим с далекими ветрами. Теперь уже исполнились многие мечты юности, но новые порывы, новые цели зовут вперед. Скоро люди смогут полететь на Луну. Какая сила движет их мысли? Любовь к своей стране, к своей планете, к будущему старой и вечной юной Земли. И заключение приходит тут само собой для каждого из нас. Любя свою землю, свой народ, поэт, отдай всю свою любовь великой Советской Родине и Коммунистической партии — и ты найдешь прекрасные, живые слова, а тогда и сердечный отклик в душе народа.

Группа делегатов II Всесоюзного съезда советских писателей (1954 г.). Слева направо: Бруно Зернит, Виллис Ламис, Каян Багдажи, Аалы Токомбаев, Александр Фадеев, Гариф Губай, Берды Кербабаев. (Из фондов иванского Дома-музея А. М. Горького)

Эдуардс МЕЖЕЛАЙТИС

ИЗ ПРОШЛОГО

Крест — на дороге.
Крест — на калитке.
Крест — на простенке в хате.

...Все они рядом
стоят на открытке,
очень похожи на братьев.

Криво их ставила мать
на бумаге —
подпись кресты заменила.
Дочери пахара,
сыну бедняги
к свету пути заслоняла.

Все они рядом
стоят на открытке,
очень похожи на братьев.

Этот — с дороги.
Этот — с калитки.
Этот — с простенка в хате.

Перевел с литовского Г. КАПОВИЧ

ВЕЛИКОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

Ааду ХИИТ

ДЛЯ МЕНЯ самым памятным годом жизни был 1940 год, когда Эстония стала советской, когда меня избрали депутатом Верховного Совета Эстонской ССР и когда я всецело ушел в работу редактора журнала «Вийснурк»...

В годы Великой Отечественной войны я впервые узнал ближе русских людей. Никогда не забудется мной семья рабочего, охотно делившая тесное свое жилье и скудный военный паек с неизвестным беженцем эстонской национальности, никогда не забудется искреннее товарищеское отношение простого русского солдата в набитом до отказа фронтовом эшелоне...

Великие достижения литературы и искусства всех народов Советского Союза, но достойно еще большего удивления развитие советской науки и техники. Всего лишь в начале этого года я в журнале «Лосминг» выразил, как мне казалось, очень смелую мысль о том, что создание искусственного спутника Земли — дело ближайших лет. А советская действительность опередила самые смелые надежды: спутник Земли оказался запущенным в течение этого же года. Во всех областях труда и знания радость и мощно развивается наша страна. А что требует это развитие от меня, писателя? Минувшим летом я посетил Ясную Поляну. В доме-музее, в витрине, посвященной «Воскресению», я увидел письмо, в котором издатель, усомнившийся бесчисленными редакционными авторскими изменениями текста, торопит великого писателя со сдачей рукописи. Толстой торопиться отказался. Этот случай я привожу здесь, конечно, не потому, что он хоть в какой-то мере может служить примером в том, что мы, советские писатели, в большом долгу перед читателями. Нет, связь здесь другая. Великий писатель обязывает нас повествовать о людях, их делах и судьбах, о событиях жизни, если не с таким же талантом (само собой ясно: почему), то с такой же ответственностью и правдивостью, как это делал он сам. Без этого чувства ответственности мы никогда не создадим того, что напоминало бы его творениям...

Сейчас я работаю над третьей книгой романа «Берег ветра». Дошел до событий Великого Октября, и все мои усилия направлены сейчас на то, чтобы изобразить правдиво дела и мысли людей — современников этой потрясающей весь мир революции.

ТАЛЛИН

Николай МОРДИНОВ

НЕОБЫЧНЫЙ вопрос «Литературной газеты» о наиболее памятном годе из сорока советских лет заставил меня мысленно оглянуться на всю мою жизнь. И оказалось, что почти каждый год из великого сорокалетия был памятен добру ко мне и принес мне какую-нибудь большую и порою неожиданную радость. И эта радость давала новый толчок для более полнокровной жизни, новых трудов и радостей. Самым памятным все же был для меня 1934 год, когда мне, молодому тогда якутскому писателю, посчастливилось быть участником Первого всесоюзного съезда писателей.

Запомнились на всю жизнь слова Горького: «Говоря фигурально, все мы здесь, невзирая на разницу возрастов, — дети одной и той же очень молодой матери — всесоюзной советской литературы». Мне было — после таких-то слов! — как-то удивительно легко подойти к Алексею Максимовичу и, отрекомендовавшись, сказать ему: «Якuty уже читают ваши произведения на своем языке, любят они вас, Алексей Максимович»...

Пожимая своею сильною рукою мою руку и сияя лучистой улыбкой из-под пушистых усов, он вразумительно проговорил:

— Какое счастье... Какое великое счастье, товарищ Мординов, товарищ якут!..

Мне показалось тогда, что все свои советские годы я, сын якутского батрака, готовился к этому счастливейшему дню моей жизни!..

С тех пор пролетело больше двадцати лет. И давно уже нет в живых родного для всех нас Горького. Один из самых молодых участников первого съезда, я изрядно поседел и стал «дедом» двух маленьких существ, написал немало страниц. Были, разумеется, и у меня человеческие и писательские трудности: потеря любимых друзей, болезни и неудачи, несправедливые упреки. И если после каждого кратковременного замешательства и уныния я вновь брался за нелегкий писательский труд, то происходило все это, главным образом, оттого, что я никогда не переставал ощущать тепло пожатия руки, не переставал слышать родной, глуховатый, ободрающий голос великого Горького.

...Последнее время я много езжу. Был в Венгрии; с чувством братского восторга и преклонения ездил в прошлом году по народному Китаю. Как депутат, участвуя в работе Верховного Совета РСФСР. Мой избирательный округ занимает 2 миллиона квадратных километров интереснейшей советской земли, наполненной разнообразнейшим и редчайшим трудом советских людей.

Что пишу? Закачиваю частью уже напечатанный цикл очерков о Китае, кое-что написал и пишу о Севере...

ЯКУТСК

Аалы ТОКОМБАЕВ Весна моего народа

С ВЕСНОЙ всегда связано представление о пробуждении, обновлении жизни. Весной ярче светит солнце, теплее его лучи... Но если весна в природе приходит независимо от воли человека, то весна, рожденная Великим Октябрем, создана самими людьми.

Мой народ — киргизы, один из самых древних народов Средней Азии — был одним из самых отсталых. В крепких тисках держала его феодализм, патриархальщина, кочевой быт. Лишь один из ста киргизов владел грамотой. Лишь четыре киргиза из всего народа имели высшее образование: три священнослужителя да один ветеран. Колониальная политика царского самодержавия, засилье местных рабовладельцев привели киргизов к катастрофе. Люди умирали от нищеты, от голода, болезней, попирали родные земли, шла и не находя приюта на чужбине.

О печатном и просто о письменном слове в те годы киргизский народ не имел никакого понятия. Если надо было передать важную вещь, посылались верховой, ему в руки давалась «памятка». Это плетень, тибетская палочка. Это было «живое письмо» тогдашних киргизов. На книгу в то время смотрели, как на божественную святыню. Ведь читать могли преимущественно муллы, а они читали только коран.

Зато киргизский народ сохранил в памяти многоисленные легенды, предания, песни, сказания. Выдающийся вклад в мировое народное творчество внесли киргизы героическим народным эпосом «Манас». В ярких художественных образах эпос раскрывает жизнь и быт народа, вековые чаяния о счастливой жизни.

Подобно ослепительной молнии, развеял вековую тьму Великий Октябрь. Эра ленинизма пробудила в жизни народа задушенные силы народа. Киргизы впервые за всю свою историю обрели независимость, создали свое национальное государство — Киргизскую Советскую Социалистическую Республику. С бескорыстной помощью наших братьев — русского народа и других народов страны — бурно расцвела экономика и культура Киргизстана.

Хочу сказать несколько слов о киргизской литературе. Она — детище Великого Октября. Это одна из самых молодых литератур в Союзе. Раньше в обиходе киргизов и слов таких не было — «литература», «писатель».

Из трех главных истоков берет свое начало киргизская литература — и в этом она сходна с литературами многих других народов СССР, прежде бесписьменных: богатый национальный фольклор, великая русская литература и, наконец, литература братских народов. У нас не было в прошлом ни опыта, ни традиций национальной литературы. Мы начинали ее буквально на пустом месте. Мы не имели понятия ни о жанрах, ни о литературных профессиях. Но нам было у кого учиться. И уже в тридцатые годы у киргизов появляются свои национальные поэты, прозаики, драматурги. Мы горды тем, что книги киргизских писателей читают теперь не только у нас, в Киргизии, но и во всем Советском Союзе. С ними знакомы и читатели зарубежных стран.

Теперь, желая подчеркнуть рост культуры киргизского народа, мы не говорим о сплошной грамотности населения. Эта забота уже в прошлом. Теперь редко можно встретить семью, в которой 3—4 человека имеют высшее образование. Недавно я побывал в своем родном колхозе. Земляки рассказали мне, что 50 жителей этого очень небольшого горного кишлака учатся в вузах.

Национальная литература, живопись, музыка, театр, республиканская Академия наук — все это создано за сорок лет. Везде, на любом участке культурного строительства я вижу талантливых сынов и дочерей моего народа — ученых, писателей, художников, композиторов, артистов.

Порой все это кажется сном, сказочным чудом. Но это явь. Как же могло произойти это чудо? Его сотворил народ, пробужденный к жизни социалистической революцией, Коммунистической партией...

Весной все живое тянется к свету, к солнцу. А сорок лет назад в горах Тянь-Шаня началась весна. И она будет вечной. Ведь ее породили люди. Ведь ее породили люди, народ. А народ бессмертен.

Праздничный номер журнала «Дружба народов»

ВЫШЕЛ из печати № 11 журнала «Дружба народов», посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Номер открывается большим разделом «Ленин и дружба советских народов». Здесь впервые публикуется ряд ленинских документов, связанных с осуществлением национальной политики партии в первые годы Советской власти (1917 — 1921 гг.).

В разделе «Под знаменем Октября» журнал печатает документы и воспоминания, рассказывающие о непосредственном участии китайских трудящихся, находившихся в России в 1917 году, в борьбе за власть Советов. Здесь же публикуется очерк Бруно Томана «Латышские стрелки».

Раздел хроники «За сорок лет» рассказывает об успехах в развитии экономики и культуры братских республик за прошедшие годы. Со статьями и очерками выступают писатели М. Турсун-заде, английский журналист Сэм Рассел, мордовский писатель И. Антонов, председатель Балхашского горсовета Э. Журалева, композитор Дм. Шостакович, народный артист СССР А. Амтман-Бриедат.

В журнале — продолжение повести В. Земляка «Родная сторона». Со стихами, посвященными Октябрю, выступают Я. Смеляков, Г. Табидзе, И. Строганов, К. Кулиев и другие.

Сорокалетие советской литературы посвящена и подборка «Статьи большого пути», в которой публикуются статьи о выдающихся произведениях многонациональной советской литературы.

Праздничный номер вышел в увеличенном объеме, в кра- сочной обложке, с иллюстрациями.

Иван НЕХОДА

РАССВЕТ В ЛЕТНЕМ САДУ

Нередко тут бывал
Шевченко смолodu,
Здесь рисовал
Умира на виду.
Авророй юной свет
Встречал он здесь в саду...

Встал новый день,
Хвала Серпу и Молоту...
По набережной невольской явду,
С Невы спокойной,

Льдом зеркальным выстланной,
Летит снежок,
как память прошлых лет.
А на Неве —
Как был бы рад узнать поэт! —
Стоит «Аврора»
Та, что нам воистину
Открыла

удивительный рассвет.
Перевел с украинского
Лев ОЗЕРОВ

А. ТАЖИБАЕВ

ДУМА

Так что же Революция дала мне?
Вопрос большой, волнующий и давний.
Поэзия и ответить затрудняюсь —
Скупа поэма и мала строка в ней.

Сказал бы кто: я горы все обмерял,
И вес земного шара я проверил.
Для этого мне гирь вполне хватило, —
Поверил ты ему б или не поверил?

А если б кто-нибудь тебя заверил:
Я воду всех морей на свете смерил
Не чем-нибудь, а ведрами простыми, —
Поверил ты ему б или не поверил?

Нет, на весах не взвешивал я горы,
Мне не нужны пустые разговоры.
Я долго пребывал в безвестье. Мне
Открыла революция просторы.

Октябрь открыл мне музыку в природе:
Плеск моря, шум листьев при непогоде,
Грудь стала многозвучной, как орган,
В ней звуков рой, она полна мелодий.

Вооружен поэзией своею,
С народом разговариваю я смело.
С народом жить — чего еще желать?
Народу все отдам, что я имею.

Перевел с казахского К. АЛТАЙСКИЙ

Осман САРЫВЕЛЛИ

ОГНИ ОКТЯБРЯ

Снег сыпался в нее, дождь моросил,
Ненастный ветер бил, что было сил.
Лучина тлела, и чадил кизяк,
Но разгораться не хотел очаг.
Услыша ветра горестный мотив,
Потухла лампа, стены закоптив.
Не просветлела усталого лица
Измученного бедностью отца.
Свет на сутулых не блеснул плечах —
Неразгоревшийся уснул очаг.

Когда свернул победно в мгле осенней
«Авроры» залп, как огненный князь,
Затрепетали конюев колени
И во дворе Керенский задрожал.
И стекла полетели из дворцовых
Закрытых окон, тонко зазвенев.

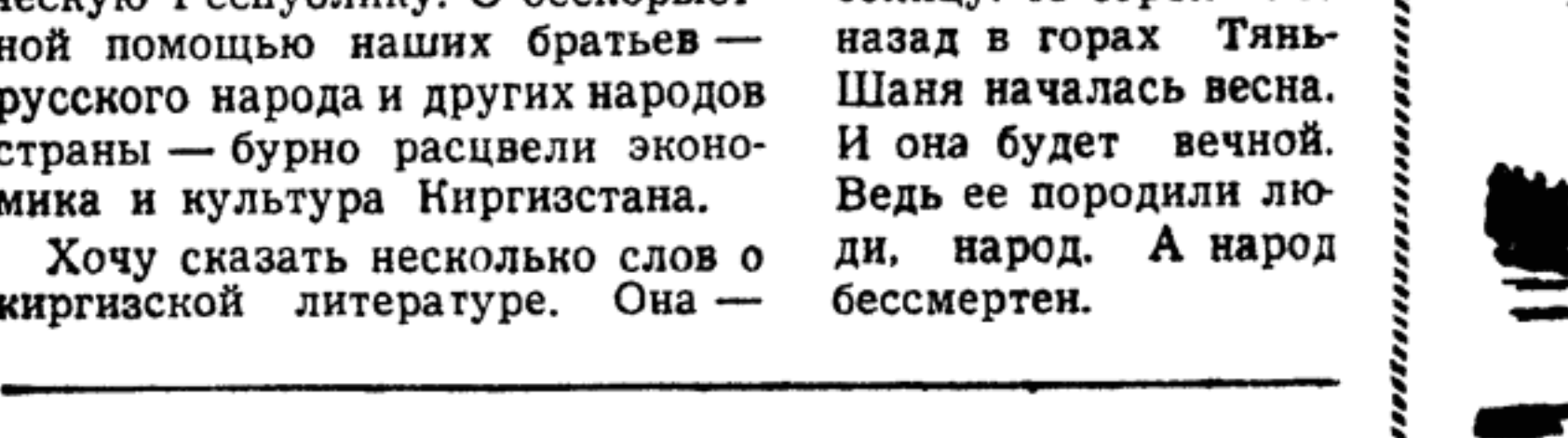
Как осень последние покровы
С продрогших осматривает дерев,
А вдалеке над замершей Невой,
Столетий поворачивая ход,
Блестел пожар польской огневой,
Прекрасен, словно утренний восход...
Простреленных полотищ колыханье,
На мостовых сражениях следы,
Пролетарья грозное дыханье

Балтийские растапливало льды.
Над Смольным трепетало наше знамя,
Как пламя революции в ночах...
И в маленьком селезне за горами
В курной землянке занялся очаг.

Сиянья седовласый Каспий полон.
Его и вечер мглой не настит.
И кажутся трепещущие волны
Веселой стайкой рыбок золотых.
А вышки нефтяные над волнами,
Над бедной штормовой ровня ряд,
Недремлющими стражами стоят.
И в бурю, разгравшуюсь слишком,
На фоне моря темного горя,
В ночи мерцают фонари на вышках,
Как маяки, как звезды Октября.

В родном селезне вечером гулянье.
Деревья тонет в праздничном огне.
Вся улица погружена в сиянье,
И на дороге свет, и на тумане.
Свет в доме, свет в саду, свет на балконе,
В колхозном клубе, в блеске хрустала
Повисла люстра, в серебристом звоне,
Как бы частица солнца Октября.

Шахтер шагает с лампочкой на репке,
Со сменой спускается в забой.
И пусть над ним пласты породы
крепкой —

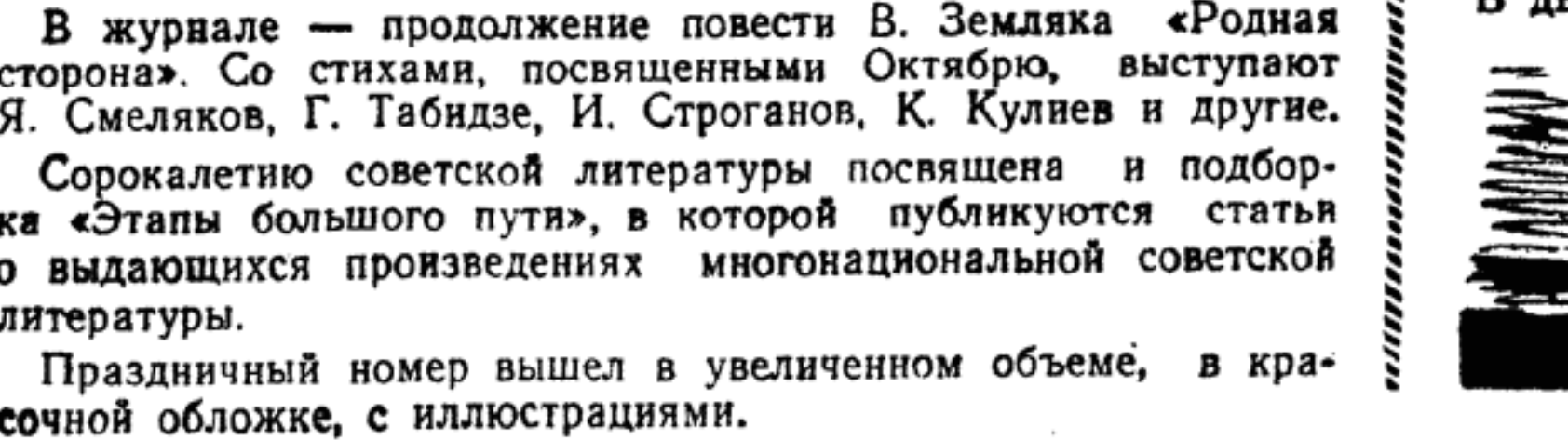
Чуть к нашей жизни
сердце прикоснется,
Она,
необозримая,
встает.

Как лестница,
приставленная к солнцу,
Упершаяся
в синий небосвод.

Не замер
на устах
напев свободы,
В глазах свет революции
не померк.

И поднимаюсь я
лицом к восходу
По лестнице крутой,
взбираюсь вверх.

Проследовало солнце стороной
Над низко землянкою курной.
Прошло по небу солнце вдалеке,
В дыру не заглянуло в потолок.

Ему теперь светло и под землей.
И пусть над ним породы многогоной
Вьются пласты, — слонок он не зря, —
Путь перед ним, не лампой освещенный,
А озаренный светом Октября.

Чуть к нашей жизни
сердце прикоснется,
Она,
необозримая,
встает.

Как лестница,
приставленная к солнцу,
Упершаяся
в синий небосвод.

Не замер
на устах
напев свободы,
В глазах свет революции
не померк.

И поднимаюсь я
лицом к восходу
По лестнице крутой,
взбираюсь вверх.

Проследовало солнце стороной
Над низко землянкою курной.
Прошло по небу солнце вдалеке,
В дыру не заглянуло в потолок.

Перевел с азербайджанского
Анисим КРОИТАУЗ
Рисунки Е. Скакальскаго

БУДУЩЕЕ НА 10 ЛЕТ СТАРШЕ МЕНЯ...

Жан-Пьер ШАВРОЛЬ

СССР старше меня на 10 лет. Отмечаю это в самом начале, ибо это важно для правильного понимания последующего.

Но именно о них я думаю прежде всего, именно перед ними хочу снять шляпу. И особенно низко я склоняюсь перед памятью тех, кто отдал жизнь за эту мечту, даже не видевшие начала ее осуществления.

Дорогие старики, ветераны борьбы за мечту! Они «привыкли» видеть реализацию своих самых смелых фантазий!

1957 год... Я открываю страничку моей молодости. Отмечаю свою сороковую годовщину. Союз Советских Социалистических Республик подарил Луне маленькую сестру, открыв таким образом новую, решающую страну в истории человечества.

НИКОГДА я не забуду этот день. Узкая дорога на плоскогорье, извинаясь среди пахучих охотничьих блестящих росинками на сапогах. На вспаханном пару согнутые спины сельскохозяйственных рабочих, крестьяне с мотыгами на плече, изогнувшись, точно в средние века...

В ЛЕРМОНЕ я приехал к вам вместе со своим Всемирным фестивалем молодежи. Вы оказались иными, чем я ожидал. Вы были не так хороши, как я представлял себе, и все же вы были лучше.

Между тем вы чертовски человечески любили и ведь это гораздо лучше. Если слишком вы идеализировать, то можно позабыть, с чего вы начали, а это было бы обидно.

Посетив вас в первый раз, я был одновременно и «разочарован», и удивлен. Вы были не так хороши, как я представлял себе, и все же вы были лучше.

ворили на улицах Кудумье: «В общем завтра война, пожалуй, все-таки не разразится». Это говорили со вздохом облегчения. Потому что и было так приятно смеяться.

«И подумать, чего нам только не говорили! Что русские — огурубшие невежды, что они вынуждены копировать американскую технику... Как вам это нравится!»

Такова хвала, которую воздавали вам известные прохожие в маленьком французском городке по случаю сороковой годовщины нашей революции, революции, которая в октябре 1917 года предрешила будущее человечества.

И в эти дни славы хочется уделить прежде всего о тех, кто, не колеблясь, отдал свою жизнь, свою голову, «полную Лениным», за то, чтобы будущее стало «счастье венецианского лазарета».

В ЛЕРМОНЕ я приехал к вам вместе со своим Всемирным фестивалем молодежи. Вы оказались иными, чем я ожидал. Вы были не так хороши, как я представлял себе, и все же вы были лучше.

Между тем вы чертовски человечески любили и ведь это гораздо лучше. Если слишком вы идеализировать, то можно позабыть, с чего вы начали, а это было бы обидно.

Посетив вас в первый раз, я был одновременно и «разочарован», и удивлен. Вы были не так хороши, как я представлял себе, и все же вы были лучше.

чудесным образом поражен. Запуск спутника поднял мое «открытие СССР» на должную высоту.

От меня слишком долго скрывали ваши недостатки, не говорили о том, что не все у вас ладится. Я приехал к вам, как к герою романа, перед которым преклонялся, читая о нем, и которого, наконец, увидел во плоти.

«Бип-бип-бип...» В момент, когда я печатаю эту статью на пишущей машинке, уже слегка устаревшей, вокруг моей земли вращается что-то и шепчет: «Завтра, завтра, завтра...» Завтра началось в 1917 году.

Нужен философ получше меня, чтобы показать, что означает в чисто моральном плане эта гигантская победа над «кадиллаком». Не вам завидовать роскошным американским автомобилям, напоминающим сверкающие кофейницы.

Незадолго до того, как я сел в самолет, чтобы отправиться к вам, во Францию, я прибыл последние модели американских автомобилей, ослепительно лакированных и ярко сверкавших хромом.

Я не понимал того, что вы отдале от французского или американского гостю, но истории. Что вы чувствуете себя ответственными перед будущим.

Я НАПИСАЛ все это несколько ко сумбурно, разрозненно, как пишу о том, что переживаю.

Автомобильная промышленность сама по себе, видимо, мало интересует русских. Похоже, что в России не более трех заводов, выпускающих легковые автомобили.

ХАСИБ КАЯЛИ — сирийский писатель, родился в 1921 году. В 1945 году в печати появились его стихи. В дальнейшем писатель начал выступать с прозаическими произведениями.

ХАСИБ КАЯЛИ — сирийский писатель, родился в 1921 году. В 1945 году в печати появились его стихи. В дальнейшем писатель начал выступать с прозаическими произведениями.

своей индустрии», существовавшими еще четверть века тому назад. Склонны давать ей оценку «достаточно хорошо» или только «справедливо». Кажется, что русские почти равнодушны к «классическим» видам промышленности.

«Бип-бип-бип...» В момент, когда я печатаю эту статью на пишущей машинке, уже слегка устаревшей, вокруг моей земли вращается что-то и шепчет: «Завтра, завтра, завтра...» Завтра началось в 1917 году.

Нужен философ получше меня, чтобы показать, что означает в чисто моральном плане эта гигантская победа над «кадиллаком». Не вам завидовать роскошным американским автомобилям, напоминающим сверкающие кофейницы.

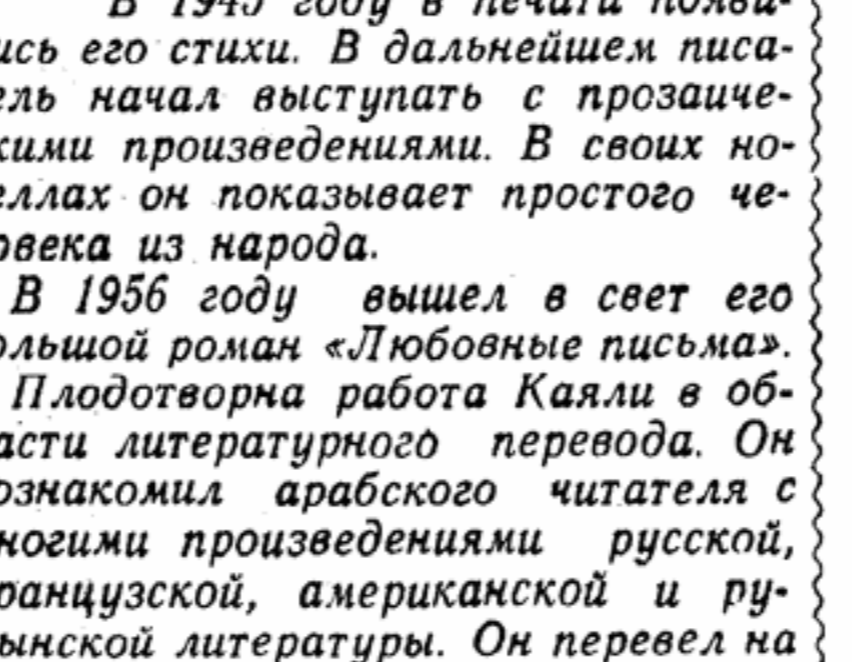
Незадолго до того, как я сел в самолет, чтобы отправиться к вам, во Францию, я прибыл последние модели американских автомобилей, ослепительно лакированных и ярко сверкавших хромом.

Я не понимал того, что вы отдале от французского или американского гостю, но истории. Что вы чувствуете себя ответственными перед будущим.

Я НАПИСАЛ все это несколько ко сумбурно, разрозненно, как пишу о том, что переживаю.

Автомобильная промышленность сама по себе, видимо, мало интересует русских. Похоже, что в России не более трех заводов, выпускающих легковые автомобили.

ХАСИБ КАЯЛИ — сирийский писатель, родился в 1921 году. В 1945 году в печати появились его стихи. В дальнейшем писатель начал выступать с прозаическими произведениями.

ХАСИБ КАЯЛИ — сирийский писатель, родился в 1921 году. В 1945 году в печати появились его стихи. В дальнейшем писатель начал выступать с прозаическими произведениями.

Анна Луиза СТРОНГ

Анна Луиза СТРОНГ — известная американская прогрессивная журналистка. Родилась в 1885 году. Начиная с 1921 года, она неоднократно посещала нашу страну.

РУССКАЯ революция отнюдь не была «личной собственностью» русских. Американский писатель Джон Рид, отдавший жизнь за революцию, недаром назвал ее: «Десять дней, которые потрясли мир».

«Бип-бип-бип...» В момент, когда я печатаю эту статью на пишущей машинке, уже слегка устаревшей, вокруг моей земли вращается что-то и шепчет: «Завтра, завтра, завтра...» Завтра началось в 1917 году.

Нужен философ получше меня, чтобы показать, что означает в чисто моральном плане эта гигантская победа над «кадиллаком». Не вам завидовать роскошным американским автомобилям, напоминающим сверкающие кофейницы.

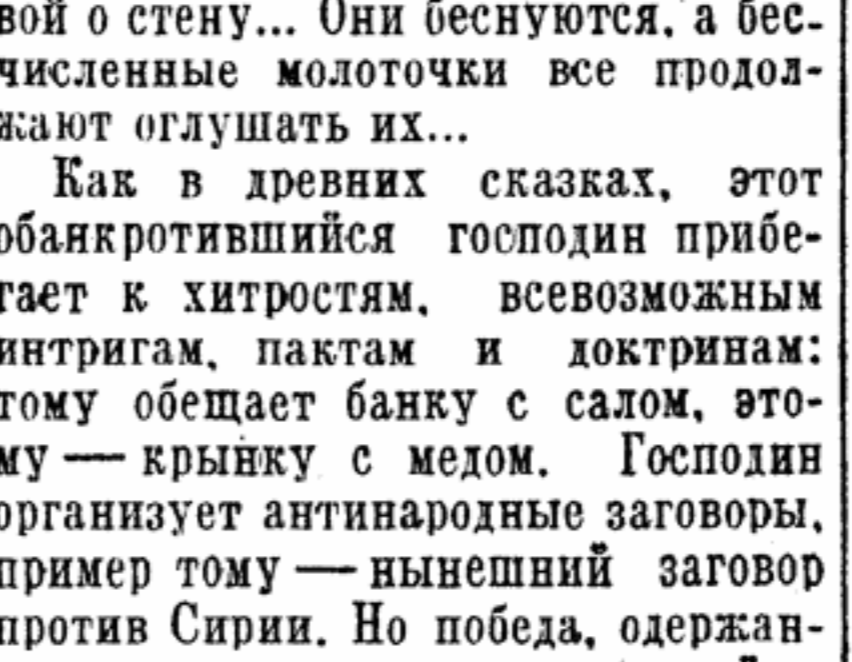
Незадолго до того, как я сел в самолет, чтобы отправиться к вам, во Францию, я прибыл последние модели американских автомобилей, ослепительно лакированных и ярко сверкавших хромом.

Я не понимал того, что вы отдале от французского или американского гостю, но истории. Что вы чувствуете себя ответственными перед будущим.

Я НАПИСАЛ все это несколько ко сумбурно, разрозненно, как пишу о том, что переживаю.

Автомобильная промышленность сама по себе, видимо, мало интересует русских. Похоже, что в России не более трех заводов, выпускающих легковые автомобили.

ХАСИБ КАЯЛИ — сирийский писатель, родился в 1921 году. В 1945 году в печати появились его стихи. В дальнейшем писатель начал выступать с прозаическими произведениями.

ХАСИБ КАЯЛИ — сирийский писатель, родился в 1921 году. В 1945 году в печати появились его стихи. В дальнейшем писатель начал выступать с прозаическими произведениями.

АМЕРИКАНСКИЕ ДРУЗЬЯ

«Я побывал значительно дальше, чем в России. Я совершил поездку в будущее, и оно великолепно!»

«И подумать, чего нам только не говорили! Что русские — огурубшие невежды, что они вынуждены копировать американскую технику... Как вам это нравится!»

Такова хвала, которую воздавали вам известные прохожие в маленьком французском городке по случаю сороковой годовщины нашей революции, революции, которая в октябре 1917 года предрешила будущее человечества.

И в эти дни славы хочется уделить прежде всего о тех, кто, не колеблясь, отдал свою жизнь, свою голову, «полную Лениным», за то, чтобы будущее стало «счастье венецианского лазарета».

В ЛЕРМОНЕ я приехал к вам вместе со своим Всемирным фестивалем молодежи. Вы оказались иными, чем я ожидал. Вы были не так хороши, как я представлял себе, и все же вы были лучше.

Между тем вы чертовски человечески любили и ведь это гораздо лучше. Если слишком вы идеализировать, то можно позабыть, с чего вы начали, а это было бы обидно.

Посетив вас в первый раз, я был одновременно и «разочарован», и удивлен. Вы были не так хороши, как я представлял себе, и все же вы были лучше.

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Я побывал значительно дальше, чем в России. Я совершил поездку в будущее, и оно великолепно!»

«И подумать, чего нам только не говорили! Что русские — огурубшие невежды, что они вынуждены копировать американскую технику... Как вам это нравится!»

Такова хвала, которую воздавали вам известные прохожие в маленьком французском городке по случаю сороковой годовщины нашей революции, революции, которая в октябре 1917 года предрешила будущее человечества.

И в эти дни славы хочется уделить прежде всего о тех, кто, не колеблясь, отдал свою жизнь, свою голову, «полную Лениным», за то, чтобы будущее стало «счастье венецианского лазарета».

В ЛЕРМОНЕ я приехал к вам вместе со своим Всемирным фестивалем молодежи. Вы оказались иными, чем я ожидал. Вы были не так хороши, как я представлял себе, и все же вы были лучше.

Между тем вы чертовски человечески любили и ведь это гораздо лучше. Если слишком вы идеализировать, то можно позабыть, с чего вы начали, а это было бы обидно.

Посетив вас в первый раз, я был одновременно и «разочарован», и удивлен. Вы были не так хороши, как я представлял себе, и все же вы были лучше.